

УДК 93/94+ 908

**Указ от 26 июня 1940 г.:
предпосылки принятия
и первые месяцы
реализации (на материалах
промышленности
Куйбышевской области)**

А. Г. Пашкин,

*Государственный архив новейшей
истории Ульяновской области,
г. Ульяновск, Ульяновская область,
Российская Федерация*

**The Decree of June 26,
1940: the background of
its adoption and initial
months of implementation
(a case study of the industry
of Kuybyshev region)**

A. G. Pashkin,

*The State Archive of Contemporary
History of Ulyanovsk region,
Ulyanovsk, Ulyanovsk region,
the Russian Federation*

Аннотация

В современной отечественной историографии довоенного СССР прогрессирует дискурс учений о положительных и отрицательных сторонах Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Куйбышевская область являлась в конце 1930-х – начале 1940-х гг. крупным промышленным регионом Среднего Поволжья, где размещалась в том числе промышленность оборонного значения. Самовольный уход с предприятий, который получил весьма широкое распространение среди рабочих промышленности в конце 1930-х гг., был продиктован отставанием бытовой инфраструктуры, низким уровнем заработной платы, плохими условиями труда. На основе архивных материалов автор обосновывает вынужденность и безальтернативность перевода трудовых отношений в плоскость уголовного права в условиях предстоящей войны. Материалы заседаний партийных организаций, а также сведения отделов НКВД позволили установить факт негативной реакции на изменения не только со стороны простых рабочих, но и среди руководителей предприятий и партийного актива области. Результатом такой реакции был полный провал агитационно-разъяснительной кампании и показательных судебных процессов. В то же время, реализация уголовного преследования позволила достичь преследуемой принятием указа цели и в значительной степени снизить текучесть кадров и нарушения трудового распорядка на промышленных предприятиях Куйбышевской области.

Abstract

In the modern Russian historiography of the pre-war USSR, there is a scholars' discourse on the positive and negative aspects of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from June 26, 1940, named "On the transition to an eight-hour working day, a seven-day workweek, and the prohibition of voluntary departures of workers and employees from enterprises and institutions". In the late 1930s and early 1940s, Kuybyshev region was a large

industrial area of the Middle Volga region, where the defence industry was located as well. Voluntary departures from enterprises of widespread occurrence among industrial workers in the late 1930s resulted from the undeveloped social welfare infrastructure, low wages, and poor working conditions. Based on archival materials, the author justifies the necessity and lack of options for the transfer of labour relations to the field of criminal law in the context of the upcoming war. Materials of the meetings of the party organizations, as well as information from the departments of the People's Commissariat for Internal Affairs, allowed to identify the fact of a negative response to the changes not only on the part of simple workers but also among the heads of enterprises and the active party members of the region. The result of this reaction was a complete failure of the organizing campaign and show trials. At the same time, the implementation of criminal prosecution made it possible to achieve the goal pursued by the adoption of the Decree and significantly reduce staff turnover and violations of labour regulations at industrial enterprises of Kuybyshev region.

Ключевые слова

Куйбышевская область, Среднее Поволжье, уголовная преступность, трудовая дисциплина, самовольный уход, прогул, дезертирство.

Keywords

Kuybyshev region, the Middle Volga region, criminal offense, labor discipline, voluntary departure, unauthorized absence, desertion.

Во второй половине 1930-х гг. большинство промышленных предприятий Куйбышевской области столкнулись с постоянной текучестью кадров, что приводило к значительным экономическим потерям. Так, на кондитерской фабрике г. Куйбышева в 1936 г. было принято на работу 1 436 человек, а уволено 1 441, в том числе 386 – за совершение прогулов. Потери в производстве составили 11 839 человеко-дней, или 2 164 833 рубля продукции в денежном эквиваленте. На Станкостроительном заводе за 1938 г. убыток от нарушений трудовой дисциплины выразился в 252 795 рублях, по предприятиям Областного управления легкой промышленности – 12 432 000 рублей. Достаточно частым явлением стала работа по временному договору, когда рабочие, получив за несколько дней более 500 рублей, уходили на больничный, расчет которого приводил к ежедневным выплатам, превышавшим 100-200 рублей¹.

На прошедшем 21 марта 1938 г. в Куйбышевском обкоме ВКП(б) совещании с руководителями промышленных предприятий области основным недостатком работы были признаны большое количество брака, доходившее до 30 %, и превышавшая 90 % текучесть кадров. Последняя, по общему мнению, являлась следствием отсталости объектов социальной инфраструктуры и некачественного продовольственного снабжения рабочих. В то же время, участники совещания сосредоточились на планировании производственных процессов, опуская вопросы улучшения бытового положения рабочих. Председатель Ульяновского горсовета Зиновьев на областной партийной конференции 1938 г., отмечал, что из-за отсутствия капиталовложений в жилищное строительство норма жилой площади на одного человека в городе составляла 3,79 кв. м. С ним был полностью согласен и секретарь Куйбышевского горкома ВКП(б) Хронов, призывавший областную партийную организацию развивать жилищное строительство и индустрию строительных материалов².

Для противодействия текучести кадров 20 декабря 1938 г. в стране были введены трудовые книжки³, а совместным постановлением СНК, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС

упорядочены виды взысканий, накладываемых при совершении прогулов и опозданий, а также начисления по больничным листам⁴. На фоне принятого постановления, в январе 1939 г. в Куйбышевской области было зарегистрировано незначительное повышение уровня производительности труда, а также существенное снижение количества прогулов. Так, на Швейно-трикотажной фабрике в Куйбышеве в декабре 1938 г. было совершено 133 прогула, в январе 1939 г. – 6; на Швейной фабрике – 129 и 17, соответственно; на Карбюраторном заводе число прогулов снизилось с 225 до 21. Такая динамика стала следствием отсутствия должного учета рабочего времени⁵. После проведенных мероприятий по нормализации учета руководство промышленных предприятий было поставлено в весьма затруднительное положение, так как количество прогулов и опозданий не снизилось, а увольнение за совершение прогула грозило потерей ценных работников. Достаточно хорошо эту ситуацию охарактеризовал служащий Ульяновского горсовета М., упомянув 10 марта 1939 г. в своем выступлении: «На заводе Володарского директор плачет – некому работать. За короткий период времени после постановления об упорядочении труддисциплины уволено две тысячи с лишним мастеровых. Увольняют, ни с чем не считаются, поезд опаздывает, рабочие не виноваты, а их все равно увольняют»⁶.

В течение полутора лет, в целях профилактики текучести кадров, местные органы власти и партийные организации активно использовали периодическую печать. Куйбышевская областная газета «Волжская коммуна», опубликовав 17 января 1939 г. материал о рассмотрении нарушений трудового распорядка в Прокуратуре СССР, спустя девять дней представила материал с хроникой судебных процессов в отношении лиц, нарушивших трудовой распорядок уже в пределах области. Ульяновская городская газета «Пролетарский путь» первую заметку на местном материале опубликовала уже 21 декабря⁷. Полистный просмотр газеты «Пролетарский путь» за период с января 1939 г. по июнь 1940 г. позволил установить, что факты публикации статей о «дезорганизаторах производства, лодырях и рвачах» приводились в среднем один раз в неделю⁸. Большинство из них публиковалось за подписью рабочих корреспондентов либо коллективов хозяйствующих организаций. Весьма плотно был задействован и актив пропагандистов. По г. Ульяновску, силами агитаторов первичных парторганизаций, за 1939 г. на тему соблюдения трудовой дисциплины было прочитано 107 лекций, 903 доклада, проведено более двух тысяч бесед⁹.

15 августа 1939 г. СНК СССР принял постановление «О порядке контроля за расходованием фондов заработной платы», что явилось попыткой остановить перерасход средств, направляемых на оплату труда работников. Тем не менее, постановление не исполнялось даже крупными предприятиями. Так, только по 18 промышленным предприятиям г. Куйбышева было установлено, что превышение лимитов фонда оплаты труда за период с октября 1939 г. по апрель 1940 г. составило 4,3 млн рублей. При этом, в большинстве промышленных предприятий перерасходы достигали 40-50 % к объему фондов. Причиной этого явились неверное планирование производственного цикла, что приводило к увеличению сроков выполнения работ, а также самовольное увеличение предприятиями штатных расписаний – для покрытия потерь за счет самовольно покинувших производство¹⁰.

Несмотря на массовость осуществляемых мероприятий, текучесть рабочей силы остановить не удалось. На Ульяновском патронном заводе № 3 им. Володарского, крупнейшем предприятии области, с численностью работников более 20 тысяч человек, за 1939 г. было принято 10 924 человека, а уволено 8 519 человек. Большинство увольнений было произведено по причине прогулов и самовольного ухода. За первые

четыре месяца 1940 г. ситуация еще более усложнилась, и численность принятых и уволенных – 3 061 и 3 001 человек, соответственно, почти сравнялась. Дирекция предприятия обратилась к ЦК ВКП(б) с просьбой принять на законодательном уровне более серьезные ограничительные меры, нежели были предусмотрены постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. Завод покидали рабочие со стажем работы до полугода и, в большинстве своем, нанятые в сельской местности. Более 75 % основного персонала завода проживало от него в радиусе 40 км, что требовало доставки работников транспортом: как железнодорожным, так и заводским автомобильным. Ни время отправления и прибытия транспорта, ни положенные санитарные нормы не соблюдались. В результате, либо рабочих увольняли за неоднократные опоздания, либо они сами покидали завод, подыскивая более близкую к месту жительства работу¹¹.

На Ульяновской швейной фабрике им. Ворошилова, где трудовой коллектив составлял 403 человека, за пять месяцев 1940 г. было принято 105 человек, уволено 95. Чаще всего производство покидали молодые кадры, а среди причин значились отказ от пошива новых деталей одежды, снижение зарплаты, а также внутренние конфликты женского коллектива¹². На Фабрике им. С. Разина Майнского района, на которой трудилось 242 человека, за второй квартал 1940 г. из 116 человек 100 были уволены за нарушение трудовой дисциплины. Причинами нарушений и увольнений были плохие бытовые и культурные условия работы. Так, собственные дома из 242 человек имели 131, они и были обеспечены огородами и продуктами питания. Остальных рабочих ежедневно кормили в столовой самодельной лапшой, хотя средства для разнообразия рациона имелись. Выделенный фабрике земельный участок в 15 га пустовал и огородными культурами засеян не был¹³. В Строительно-монтажном тресте № 21 г. Ульяновска за шесть месяцев 1940 г. было уволено 363 человека при численности работников в 400 человек. Текучесть имела место и среди руководства. Так, в Транспортной конторе за 6 месяцев сменилось 5 начальников, на Водном причале – 3 начальника¹⁴.

На выполнение плановых показателей соблюдение работниками трудовой дисциплины не влияло лишь на крупных предприятиях. Например, за первое полугодие 1940 г. Завод № 3 им. Володарского программные показатели выполнил в полном объеме, при том, что сменяемость коллектива составила более 20 %. На малых предприятиях, таких как Швейная фабрика № 5 и Завод «Металлист», где текучесть кадров превышала 40 %, программа первого полугодия была выполнена менее чем на 80 %¹⁵.

Таким образом, в рамках Куйбышевской области, как и в масштабах страны, государственная политика конца 1930-х гг. в сфере упорядочения трудовой дисциплины поставленных целей не достигла. Логичным продолжением ее стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

Реакция на указ была весьма неоднозначной. На собранном 28 июня 1940 г. в промышленном отделе Куйбышевского обкома ВКП(б) совещании с директорами крупнейших промышленных предприятий последние более всего переживали за необходимость изменения графиков работы. Любопытно, что директор Завода № 42 Мошкин указывал, что из главка за 3-4 дня до опубликования указа поступила бумага с предложением проанализировать необходимость перехода с трех смен на две смены. При обсуждении вопроса разъяснения сути указа для рабочих все руководители отчитались, что на митингах рабочие встретили указ с воодушевлением и одобрением, а настроение рабочих не изменилось. Но позитивные отклики

прервал начальник промышленного отдела обкома Игнатов: «Настроение не изменилось, так как суть указа им никто не разъяснил. А среди тех, кто понял, многие поспешили покинуть заводы. Мы не учитываем настроений, все сводим к митингам. Открываем его, готовим заранее 3-4 работницы, они выступают по заранее написанным тезисам. А на самом деле, имеется значительное число рабочих, которых митингом не прошибешь, с ними требуется серьезная работа»¹⁶. В действительности, графики работы были изменены достаточно быстро. Так, на Заводе № 3 им. Володарского переход на восьмичасовой рабочий день был осуществлен с 27 июня 1940 г., нормы выработки увеличены на 14,3 % при снижении сдельных расценок на 12,5 %¹⁷.

Сложнее всего переход на новые графики отразился на женщинах, имевших детей. Отсутствовали детские сады и ясли, время работы которых соответствовало бы сменам на предприятиях и в торговых организациях. Так, большинство работниц Швейной фабрики им. Ворошилова, где выходной был перенесен на понедельник, оказались просто в безвыходном положении, и партбюро завода было вынуждено обратиться в горком ВКП(б) с просьбой пересмотреть график подачи заводу электроэнергии¹⁸.

Агитационно-разъяснительная кампания июля-августа 1940 г. всей системой пропаганды была на территории Куйбышевской области провалена. Ведущую роль здесь сыграли два фактора – критичное восприятие руководством, в том числе и партийных организаций, нового законодательства и низкая правовая культура агитаторов. На общем партсобрании парторганизации Фабрики им. Ленина Барышского района 29 июня 1940 г. руководство фабрики не стеснялось негативно отзываться о нововведениях. Рабочие, восприняв основную суть указа в повышении норм выработки и снижении расценок, прекратили выполнять дневные показатели¹⁹. Не изменилось отношение к Указу от 26 июня 1940 г. и в последующие месяцы. 30 августа 1940 г. член парторганизации той же фабрики Н. сказала: «Я считаю, что выступала правильно и не боюсь говорить правду. Я говорила, что в капиталистических странах рабочие работали по 10-11 часов, а у нас вводится 8-часовой рабочий день, и мы идем к этому же – к увеличению рабочего дня»²⁰. Секретарь первичной парторганизации аппаратно-прядельного цеха той же фабрики Г. 23 октября 1940 г. отметила: «Советская власть дерет шкуру с рабочих, в производстве рабочих жмут, грозят судом и того гляди посадят»²¹. В Строительно-монтажном тресте № 21 г. Ульяновска парторганизация на заседании 31 июня 1940 г. решила провести агитационную кампанию по разъяснению указа, однако, успехом последняя не увенчалась – из 20 агитаторов беседы с рабочими провели только двое²².

В начале августа 1940 г. районные и городские комитеты ВКП(б) отчитались в обком о том, что митинги на всех предприятиях прошли с воодушевлением, а рабочие восприняли Указ от 26 июня 1940 г. положительно²³. Абсолютно иные сводки представлял Ульяновский городской отдел НКВД, отмечая в них, что среди рабочих крупных заводов указ вызвал крайне негативную реакцию. После проведенных митингов, в начале июля 1940 г. рабочие сравнивали новые условия труда с крепостным правом, предрекали появление тюрем при каждом заводе, сетовали на снижение и без того небольших заработных плат. Мастер ТСО завода № 3 им. Володарского 9 июля 1940 г. заметил: «Это большое насилие над рабочим классом, какой-то дурак подsunул проект. Мы никогда не построим социализма. Дожили – в социалистической советской стране рабочих будут сажать в тюрьму»²⁴. Спустя месяц начальник Ульяновского горотдела НКВД лейтенант госбезопасности Тихомиров отмечал,

Бригада Беднова литейного цеха завода малолитражных двигателей г. Ульяновска. 1944 г. ГАНИ УО, ф. 162, оп. 2, д. 676, л. 1.

Bednov's brigade of the foundry of Small Displacement Engine Plant in Ulyanovsk. 1944. The State Archive of Contemporary History of Ulyanovsk region, fond 162, series 2, file 676, p. 1.

что количество резких высказываний возрастает, а указу все чаще присваивают политическую окраску, сравнивая его с контрреволюционным выпадом, с возвращением к порядкам царизма. 29 июля 1940 г. в цехе № 13 Завода № 3 им. Володарского котельщик Ш. после проведения беседы заявил: «Если бы нам сейчас дали по чарке водки, так мы бы тогда сразу заявили хозяевам – на каком основании Вы ввели принудительный труд, что вы обещали, когда делали революцию? Свободный труд! А что теперь! Ввели принудительный труд. Они своей контрреволюцией нас, рабочих, закабалили до самой смерти! Попробуй-ка теперь уйти, если ты не желаешь здесь работать, добром не уйдешь, уйти можно, только изувечив себя»²⁵.

В агитационной кампании принимали участие довольно существенные силы. В г. Мелекессе были привлечены ресурсы 37 первичных парторганизаций. В агитколлективах насчитывалось 415 агитаторов, из которых 279 являлись членами и кандидатами в члены партии, более 50 % имели незаконченное среднее образование. Каждый агитатор в среднем проводил одну беседу либо читку в неделю. Применялась и наглядная агитация в виде плакатов о соблюдении трудовой дисциплины, фотографий лучших людей производства. Качество агитационной работы было посредственным. Выступавшие применяли в своих речах общие фразы, не использовали конкретные примеры того, какой ущерб был нанесен предприятию или организациям работниками, нарушившими трудовой распорядок. К ноябрю 1940 г. количество агитаторов уменьшилось до 75 человек, которые использовали лишь одну форму работы – развернутые беседы²⁶. К агитационным мероприятиям были привлечены ресурсы комсомола, но весьма неудачно. Так, из проведенных силами ульяновского городского комсомола за период с января 1939 г. по октябрь 1940 г. 495 разъяснительных мероприятий ни одно не затрагивало проблемы соблюдения трудовой дисциплины²⁷.

Куйбышевский горком партии в начале августа 1940 г. констатировал, что все мероприятия по городу замещались митингами в обеденные перерывы, на которых зачитывался текст указов, и почти никаким образом не освещалось текущее положение дел на конкретном предприятии²⁸. На Заводе № 3 им. Володарского в первые месяцы реализации Указа было проведено 93 цеховых митинга, более 900 бесед, прочитано 124 доклада. Все мероприятия были проведены 42 членами партийного актива завода²⁹. В то же время, мастера и начальники цехов от проведения разъяснительной работы отказывались, так как считали ее уделом партработников. Кроме того, получасовой обеденный перерыв не позволял провести какой-либо развернутой беседы³⁰.

В то же время, вся разъяснительная кампания так или иначе была построена вокруг уголовного преследования нарушителей. 16 июля 1940 г. бюро Ульяновского горкома ВКП(б) признало, что руководство Завода им. Володарского, ударившись в уголовное преследование нарушителей, полностью упустило из виду профилактику, то есть улучшение условий труда и быта рабочих³¹. Здесь необходимо отметить, что свою лепту в это внесли работники судебно-следственных органов. Так, приглашенный на заседание парткома завода 8 июля 1940 г. прокурор г. Ульяновска Полохов не разъяснил правовые стороны проблемы и типовые случаи нарушений, а сосредоточил все внимание на сроках оформления дел и придании суду нарушителей³².

В действительности, требуемый законом срок оформления материалов приводил к направлению их в прокуратуру без проверки фактов. Руководство предприятий не принимало во внимание участия в похоронах близких родственников, острых приступов болезни, отсутствия заключенных трудовых договоров. Прокуратурой г. Куйбышева было выявлено более 30 оформленных материалов, в которых факт нарушения трудовой дисциплины был совершен ранее 26 июня 1940 г.³³ С другой стороны, на крупных промышленных предприятиях установленные сроки оформления документов не соблюдались. Так, от дирекции Завода им. Масленникова 29 июля 1940 г. поступило 30 материалов о лицах, совершивших прогулы в период с 15 по 20 июля. На Заводе им. Куйбышева дела в прокуратуру передавали в срок от 5 до 29 дней. При этом, на 28 июля из 84 зарегистрированных прогулов материалы были оформлены только на 49 человек³⁴.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на Станкостроительном заводе. Так, токарь 7-го цеха К. ушел с работы 15 июля, а материал заводом был передан в прокуратуру через 14 дней. Слесарь 8-го цеха того же завода Ч. не вышел на работу 2 июля 1940 г., а материалы были переданы для расследования спустя 27 дней. При проведении проверки было установлено, что учет явки рабочих осуществлялся в двух местах – старшим табельщиком и табельщиком цеха, но при этом данные этих двух учетов не совпадали. В большинстве случаев, табельщики цеха отмечали присутствие на рабочем месте, в то время как в журнале старшего табельщика значился прогул, и за редким исключением – наоборот. Например, ученик токаря Е., по материалам старшего табельщика, не выходил на работу в период с 20 по 25 июля 1940 г., но в то же время, в журнале табельщика 7 цеха значился как находившийся на работе. На швейной фабрике № 1 г. Куйбышева контроль за явкой производился в момент прохода рабочего через контрольные ворота. Отсутствие контроля в цеху не позволяло достоверно устанавливать, когда сотрудник приступал к работе³⁵. В целом, это более чем наглядно представляет ситуацию неготовности контрольных служб предприятий к реализации уголовного законодательства в первые месяцы действия Указа от 26 июня 1940 г.

На некоторых предприятиях руководство, в силу ряда причин, предпочло отказаться от практики уголовного преследования нарушителей. 30 августа 1940 г. на заседании партсобраний парторганизации Фабрики им. Ленина Барышского района участники высказали общее мнение, что в дело привлечения к ответственности нарушителей внесли сумятицу, в первую очередь, органы прокуратуры, которые не провели разъяснительную работу. В результате, тех, кто отказывался от работы, в июле и августе не привлекали к уголовной ответственности, а предлагали уволиться. К этому моменту на фабрике было зарегистрировано 80 фактов нарушений трудовой дисциплины, но оформление материалов занимало не менее одной недели³⁶. Директор Завода № 13 Сталинского района г. Куйбышева, получив 28 июня 1940 г. от начальников цехов материалы о лицах, не вышедших на работу, приказом их уволил и материалы в следственные органы не передал. Такие приказы были изданы вплоть до 14 июля, затрагивали 18 человек и имели формулировку «уволены как не выдержавшие испытательный срок и в связи с выездом из города». Аналогичные приказы были отмечены на заводе «Автотрактордеталь», где за период с 27 июня по 30 июля 1940 г. было отмечено 150 человек, нарушивших трудовую дисциплину, но материалы в прокуратуру были направлены на 56 человек, а остальные были уволены приказами³⁷.

24 августа 1940 г. Куйбышевский обком сообщал секретным письмом в райкомы, что ряд райкомов и первичных парторганизаций предпринимает попытки затягивать оформление материалов на членов и кандидатов в члены ВКП(б). Первичные организации предпочитали согласовывать привлечение таких лиц к уголовной ответственности с райкомами, и те, в свою очередь – с областным комитетом партии. Таким образом, переписка занимала не менее 10-15 дней, что отсрочивало наступление карательных мер. Обком обязал первички и райкомы разбирать дела о нарушителях самостоятельно, и высылать в обком дела на всех, исключенных в течение одного дня с момента заседания бюро³⁸. Исполнение решения обкома в итоге вылилось в прекращение работы членов парторганизаций по исследованию причин и фактов совершенного проступка. Это, в свою очередь, обернулось дополнительным пересмотром дел в вышестоящей партийной инстанции и негативно отразилось, прежде всего, на людях, понесших незаслуженное наказание. Так, 12 сентября 1940 г. продавщица хлебного ларька фабрики им. С. Разина М., из-за отсутствия выпеченного хлеба для продажи, закрыла ларек и ушла домой, где пробыла 30 минут. Правление передало материал на М., как на прогульщицу, в суд. 14 сентября нарсуд 2-го участка Майнского района, по закону от 26 июня 1940 г., по ст. 5 Ч. 2 УК РСФСР приговорил ее к четырем месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы, с вычетом 20 % из зарплаты. В этот же день партбюро парторганизации исключило М. из членов ВКП(б), а 21 сентября общее партсобрание утвердило это решение. По жалобе М., Майнский райком ВКП(б) изучил материалы дела, и 12 декабря бюро вынесло вердикт: решение первичной парторганизации отменить, как необоснованное. И предложило районному прокурору опротестовать приговор суда³⁹.

Усилить меры агитационно-пропагандистской работы были призваны показательные судебные процессы. Необходимость их проведения диктовалась как органами суда и следствия, так и территориальными партийными организациями. Тем не менее, фактор осуждения Указа от 26 июня 1940 г. со стороны общественности, равно как и многочисленные нарушения при оформлении материалов для уголовного преследования, во внимание приняты не были. В результате, по г. Мелекесу за июль и август 1940 г., из-за некачественно оформленных уголовных дел,

13 судебных процессов из 21 завершились оправдательными приговорами⁴⁰. Почти повсеместно парторганизации предприятий отказывались от проведения показательных судебных процессов, а если таковые и имели место, то участия в их подготовке не принимали. Так, на первом показательном судебном процессе на Заводе № 13 Сталинского района г. Куйбышева присутствовало менее 10 рабочих, а секретарь партбюро Е. и директор Г. покинули заседание сразу после начала процесса. На Заводе «Автотрактордеталь» первый показательный процесс посетили менее 100 человек, при общем количестве рабочих и служащих 1 219 человек. Руководство завода также покинуло процесс после первых минут заседания⁴¹. Первый показательный судебный процесс на Заводе им. Масленникова продемонстрировал истинное отношение к Указу от 26 июня 1940 г. как рабочих, так и руководителей завода. Обвиняемый вызвал у аудитории симпатию, а не порицание, а защитник закончил свое выступление под аплодисменты присутствующих⁴².

Среди нарушителей трудовой дисциплины, подвергнутых судебной ответственности, преобладающее большинство представляла молодежь, а также лица, достаточно недолгий срок проработавшие на предприятиях. Так, на Заводе им. Куйбышева из 84 прогульщиков 48 человек было принято на завод в 1940 г., 20 человек – в 1939 г., остальные 16 – в 1938 г. По Трамвайному парку Куйбышева – все 70 прогульщиков были приняты на работу в 1939-1940 гг., и более 50% из них являлись молодежью до 25 лет. На Станкостроительном заводе из 61 человека 25 имели стаж работы до трех месяцев и 24 – до одного года. Среди лиц старшего возраста отмечалось большое количество рецидивов. Так, грузчик станкозавода К. 1906 г.р., в январе 1939 г. за прогул был уволен из Пищекомбината, в сентябре 1939 г. – с Мельзавода №1, в декабре 1939 г. – из конторы «Заготзерно», в феврале 1940 г. – из учреждения «Главмука», на станкозавод поступил 26 февраля 1940 г., а 3 июля по причине злоупотребления спиртными напитками совершил прогул. Нарсуд приговорил К. к шести месяцам исправительно-трудовых работ с вычетом 25% из заработной платы. Механик Н. 1920 г.р., после пяти месяцев работы на Заводе им. Масленникова в июле 1939 г. был уволен за прогул, в сентябре 1939 г., по той же причине – с Обувной фабрики им. 1 мая, в декабре 1939 г. – с Завода «Автотрактордеталь», в апреле 1940 г. – из артели «Коллективный труд». На станкостроительный завод устроился 17 июня 1940 г. в качестве подсобного рабочего, а 2 июля самовольно оставил работу, за что был осужден⁴³. Из 168 дел, прошедших через Прокуратуру Фрунзенского района г. Куйбышева, было установлено, что в 46 случаях причинами прогула послужило употребление спиртных напитков. В 38 случаях прогульщики «проспали», в 31 случае не подтвердили факт болезни оправдательными документами, и только в 53 случаях прокуратура сразу признала причины явно неудовлетворительными⁴⁴.

Кроме ошибок, допущенных партийными, государственными структурами и дирекцией предприятий в начальный период реализации Указа от 26 июня 1940 г., в сентябре-октябре проявилась еще одна отрицательная сторона данного законодательного акта. В условиях плановой экономики все промышленные предприятия были так или иначе завязаны как на других заводах, так и на производителях электроэнергии. Нарушения сроков изготовления продукции на одном предприятии влекли за собой простои на других, а дефицит электроэнергии мог остановить производственный цикл на несколько часов. На заседании партийной организации Швейной фабрики им. Ворошилова 20 сентября 1940 г. рабочий С. отметил: «Вероятно, наша работа в массах должна быть построена на утверждении,

что мы несем жертвы и трудности временно. Но трудно объяснить людям, почему мы судим за 20 минут прогула, а за половину суток простоя фабрики из-за отсутствия тока никого судить не будем. За август месяц простой фабрики составил 4 170 человеко-часов, а за опоздания на 20 минут мы осудили 25 человек»⁴⁵. Директор и члены парткома Завода им. Володарского в ноябре 1940 г. также констатировали рост недовольства среди рабочих и начальников цехов осуждением лиц, опоздавших к началу рабочего дня, на фоне значительных простоев предприятия из-за отсутствия металла и электроэнергии⁴⁶. 26 ноября 1940 г. бюро Ульяновского горкома ВКП(б) также озадачилось вопросом ликвидации простоев, признав, что без этого Указ от 26 июня 1940 г. действует однобоко и справедливо заслуживает негативной оценки со стороны партийного актива города⁴⁷.

Необходимо учесть, что к концу второго полугодия 1940 г., в рамках Куйбышевской области, реализация Указа от 26 июня 1940 г. позволила достичь поставленной задачи. Случаи нарушения трудовой дисциплины, равно как и текучесть кадров, удалось снизить, но не ликвидировать. Так, если до 26 июня 1940 г. по предприятиям металлообрабатывающей и легкой промышленности г. Куйбышева было принято 1 934 человека и уволено 1 677 человек, то во втором полугодии того же года – 956 и 741, соответственно. Также снизилось и количество прогулов – с 1 259 случаев (до принятия указа) до 289⁴⁸. На Заводе № 3 им. Володарского за первое полугодие 1940 г. было зарегистрировано 2 533 прогула, а за второе – 957. Количество самовольных уходов также снизилось с нескольких тысяч в первом полугодии 1940 г. до 51 случая во втором, при этом, в октябре и декабре было зарегистрировано только по одному случаю. На строительстве Завода № 280 в г. Ульяновске за первое полугодие 1940 г. количество прогулов составляло 594 случая, что примерно соответствовало общему количеству рабочих, а с июля по декабрь включительно – 19. В первом полугодии количество самостоятельно покинувших строительство составило 93 человека, за второе полугодие – 4. В Строительно-монтажном тресте № 21 с апреля по июнь 1940 г. за прогулы и опоздания было уволено 390 человек, после принятия указа за нарушения трудового распорядка были привлечены к судебной ответственности в июле 43 человека, в августе – 34, в сентябре – 40, в октябре – 8, в ноябре – 21⁴⁹. На Суконной фабрике им. С. Разина, находившейся в Майнском районе, по состоянию на конец октября почти полностью были ликвидированы нарушения трудового распорядка. Так, самовольно ушедших с работы в мае 1940 г. насчитывалось 61 человек; в июне, до принятия указа – 49 человек, а после принятия – 6; в июле – 4, в августе – 4, в сентябре и октябре случаев самовольного ухода не наблюдалось⁵⁰.

Введение уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины явилось вынужденной мерой, призванной упорядочить работу промышленности в сфере кадрового обеспечения. Для улучшения бытового обслуживания, снабжения, социальной инфраструктуры предприятий регион не располагал необходимыми ресурсами. Меры общественного порицания, а также увольнения прогульщиков также не оказывали какого-либо существенного влияния, а последнее в определенной степени наносило ущерб производству.

Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. на территории Куйбышевской области в первые месяцы натолкнулась на ряд препятствий. Так, руководители промышленных предприятий, равно как и заводские первичные партийные организации и представители общественности, первоначально негативно восприняли содержание указа, что сказалось на вялой и безрезультативной

агитационно-пропагандистской кампании. Показательные судебные процессы также не принесли успеха, а наоборот, усугубили ситуацию.

В августе-сентябре 1940 г. была проведена повторная агитационно-разъяснительная кампания, которая, вкупе с применением уголовных репрессий, позволила достичь снижения текучести кадров в промышленности и сократить количество нарушений трудовой дисциплины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ), ф. 656, оп. 3, д. 120, л. 15, 32, 33.
2. Там же, оп. 2, д. 169, л. 2, 3, 12-26, 76-77; оп. 3, д. 83, л. 137, 142.
3. Постановление Совнаркома СССР от 20 декабря 1938 г. № 1320 «О введении трудовых книжек» // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1938. – № 58. – Ст. 329.
4. Постановление Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». 28 декабря 1938 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов. В 16 т.: Т. 2. 1929-1940 гг. – М.: Политиздат, 1967. – С. 665-667.
5. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 3, д. 120, л. 34-38.
6. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 13, оп. 1, д. 1718, л. 20.
7. Беречь народные деньги от летунов и прогульщиков // Пролетарский путь. – 1938. – 21 декабря. – № 282 (3661). – С. 2.
8. Подсчитано по: Пролетарский путь. – 1939. – 1 января. – № 1 (3669); 1940. – 26 июня. – № 142 (4097).
9. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1878, л. 13-14.
10. Там же, д. 1794, л. 23.
11. Там же, д. 1886, л. 4-7.
12. Там же, д. 1820, л. 21-22.
13. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 169, л. 19-20, 26.
14. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 1886, л. 77.
15. Там же, д. 1885, л. 9-11 об.
16. СОГАСПИ, ф. 656, оп. 4, д. 93, л. 6, 7, 26.
17. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1886, л. 87-88.
18. Там же, д. 1820, л. 43.
19. Там же, ф. 26, оп. 1, д. 274, л. 69-69 об.
20. Там же, л. 77.
21. Там же, л. 86.
22. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 1886, л. 75.
23. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 723, л. 1-2.
24. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1805, л. 29-31 об.
25. Там же, л. 32.
26. Там же, ф. 919, оп. 1, д. 87, л. 35-37.
27. Там же, ф. 13, оп. 1, д. 1808, л. 44.
28. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 723, л. 12-15.
29. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1886, л. 86.
30. Там же, д. 1810, л. 166.

31. Там же, д. 1800, л. 30.
32. Там же, д. 1810, л. 126.
33. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 723, л. 27-28.
34. Там же, л. 10.
35. Там же, л. 12-15.
36. ГАНИ УО, ф. 26, оп. 1, д. 274, л. 74-76.
37. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 723, л. 16-18.
38. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1794, л. 79.
39. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 167, л. 91.
40. Там же, ф. 919, оп. 1, д. 79, л. 47.
41. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 723, л. 16-18.
42. Там же, л. 25.
43. Там же, л. 25-26.
44. Там же, л. 24.
45. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1820, л. 42 об.
46. Там же, д. 1830, л. 188.
47. Там же, д. 1801, л. 42.
48. СОГАСПИ, ф. 714, оп. 1, д. 821, л. 8.
49. ГАНИ УО, ф. 13, оп. 1, д. 1886, л. 77, 90, 116.
50. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 461, л. 57-61.

Сведения об авторе

Пашкин Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, директор Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, e-mail: pashkin.ag@mail.ru

About the author

Andrey G. Pashkin, Candidate of Historical Sciences, Director of the State Archive of Contemporary History of Ulyanovsk Region, e-mail: pashkin.ag@mail.ru

В редакцию статья поступила 19.05.2021, опубликована:

Пашкин А. Г. Указ от 26 июня 1940 г.: предпосылки принятия и первые месяцы реализации (на материалах промышленности Куйбышевской области) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2021. – № 3. – С. 51-62.

Submitted on 19.05.2021, published:

Pashkin A. G. *Ukaz ot 26 iyunya 1940 g.: predposylki prinyatiya i pervye mesyatsy realizatsii (na materialah promyshlennosti Kuybyshevskoy oblasti)* [The Decree of June 26, 1940: the background of its adoption and initial months of implementation (a case study of the industry of Kuybyshev region)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2021, no. 3, pp. 51-62.